

Время любить

Галина
Врублевская

*Женщина
с чужим
паспортом*

роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В83

Художественное оформление серии
Е. Анисиной

Врублевская, Галина Владимировна.
В83 Женщина с чужим паспортом : роман / Галина Врублевская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Время любить. Романы Г. Врублевской).

ISBN 978-5-04-004011-7

Когда мне было 38 лет, я поменялась паспортами с двадцатидвухлетней девушкой. Отдала своё имя, диплом о высшем образовании, своё прошлое — всё, всё! — ради того, чтобы вновь считаться молодой. Я прекрасно выгляжу, потому что на тюнинг уходят все мои деньги, юный супруг меня обожает. Но вместо того, чтобы наслаждаться всем этим, я постоянно чувствую вину за этот обман, страшусь будущего, которое рано или поздно раскроет мои секреты... Я не понимаю: счастлива ли я? И никогда бы не поняла, если бы не шокирующее заявление, которое в один прекрасный день сделал мне супруг...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Врублевская Г., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-04-004011-7 ООО «Издательство «Э», 2017

Часть 1

БИЛЕТ НА МАШИНУ ВРЕМЕНИ

1

Какая женщина не сошла бы с ума от радости, если ей довелось бы скинуть десяток-другой лет — и из общипанной курицы вновь превратиться в желторотую цыпку! Но случается такое лишь в снах да в сказках. А в жизни... Конечно, благодаря всевозможным ухищрениям женщинам удается выглядеть помоложе, однако предатели паспорта всегда готовы вывести каждую из них на чистую воду!

...Я выглядела тогда молодо, и прохожие еще называли меня девушкой. Однако, как мама выпускницы школы, я отлично понимала, что мое солнце уже в зените — понимала, но не принимала душой. И в этот шаткий момент судьба вручила мне билет на машину времени. Да-да, это произошло на самом деле — неведомые силы переместили меня в юность! Правда, не в мою, а в чужую. Но меня, меня перенесли — а не кого-то другого!

День, который перевернул мою судьбу, я помню в самых мелких подробностях.

Погожее лето тысяча девятьсот девяносто восьмого года уже перемахнуло свою верхуш-

ку. В те благословенные августовские денечки все, кто мог, старались вырваться в отпуск. Мой же отпуск слишком затянулся, поскольку еще весной я, работавшая патентоведом в одном из питерских НИИ, попала под сокращение штатов. Мне назначили на бирже труда небольшое пособие по безработице и отправили на курсы секретарей-референтов. Их я посещала дважды в неделю, а остальное время была ничем не занята.

Меня тревожила мысль о поиске работы, но тревожила как-то не всерьез — ведь было лето! Я как бабочка-однодневка порхала с цветка на цветок, наслаждаясь звенящим воздухом свободы: то ездил купаться на пригородные озера, то отправлялась в лес за дарами природы. И в тот незабываемый день тоже выехала из Петербурга ранней электричкой, сошла на знакомой станции, немного не доезжая до Выборга — это место, окруженное хвойным лесом, славится обилием ягод и грибов. Лес был мне хорошо знаком, поскольку моя семья много лет снимала здесь дачу, так что я знала все тропы и дорожки в округе. Я с удовольствием ступала по седому мягкому мху среди постанывающих в голубом небе сосен; склонялась над красной головкой подосиновика, в радостном изумлении застывала при виде бурой шляпки боровика, а порой и обманывалась упавшим желтоватым лист-

ком; пролезала под колючими лапами елей и ощипывала кусты черники, наполняя сочной ягодой прихваченное для этого ведерко. Я наслаждалась.

К полудню корзина наполнилась до краев грибами, а ведерко — черникой. Солнце припекало все сильнее, а среди ветвей деревьев весело посвистывали птицы. Я плелась по пыльной дороге к станции, едва передвигая ноги, хотя следовало бы поторопиться: если не успею на ближайшую электричку, то следующей придется дожидаться долго. Несколько раз я пыталась прибавить шагу, но это оказалось выше моих сил: руки оттягивала тяжелая корзина, а в плечи врезались лямки от рюкзака, в котором я несла ведро с ягодами.

Но уже была видна станция и виадук, воздвигнутый над множеством сходящихся и расходящихся путей, — станция была узловая. Чтобы успеть на поезд — а попасть нужно было именно на определенную платформу, — придется бегом подняться по ступеням. Как я это сделаю с таким тяжелым грузом? Еще издали мне было видно, что на платформе, расположенной с другой стороны виадука, толпятся люди, такие же грибники и ягодники, как я.

Послышался пронзительный свист приближающегося состава. Электричка? Уже? Я по-

смотрела на свои часы: вот незадача — получается, они отставали! Точно не успею...

Смирившись с опозданием, я присела на шпалы, сложенные неподалеку от виадука ровными штабелями. Сняла рюкзак, стянула с головы косынку и вытерла ею пот с лица. Посмотрела, как электричка притормозила на минуту у дальней платформы, как забрала пассажиров и укатила. По расписанию следующий поезд на Питер почти через два часа — так что торопиться мне уже было некуда. Я еще посидела, отдыхая, съела несколько горстей черники из своего ведерка. Вновь закинув рюкзак на плечи и держа в руке корзину с грибами, начала восхождение. Опустив голову, я методично переставляла ноги по ступеням, сгибала и распрямляла колени. Преодолевая пролеты лестницы виадука, я то и дело поглядывала вбок через решетку ограждения — есть что-то завораживающее в расчерченной рельсами железнодорожной насыпи. Притягивали взгляд три десятка рельсов, то бегущие параллельными прямыми, то внезапными углами сворачивающие на переводных стрелках — отсюда, с высоты виадука, они представлялись черным со стальным отблеском геометрическим узором на гигантском ковре гравия. Наконец я преодолела подъем — оставалась одна ступенька до верхней площадки!

Как же тяжело! Я опустила оттягивающую руку корзину. Бамс! — несколько подосиновиков выпали на бетонное покрытие виадука. И только я потянулась за ними, как увидела за решеткой виадука чьи-то ноги. О ужас! С другой стороны ограждения, на узком карнизе виадука стояла сухощавого сложения женщина в джинсах и расстегнутой ветровке. Стояла спиной к решетке, устремив взгляд на рельсы, в бездну под виадуком, будто разглядывала тот самый геометрический узор, который только что казался мне таким красивым. Широко раскинутыми руками женщина вцепилась в перила позади себя, а ногой шарила по осыпающемуся бетонному карнизу, чтобы сделать приставной шаг и продвинуться к центру виадука. Ветер нещадно трепал куцый хвостик ее блеклых волос. Слегка продвинувшись, женщина остановилась. Там, куда она нацеливалась пристроить ступню, ограждение моста было усилено высоким щитом из металлической сетки, потому что прямо под ним проходила скоростная магистраль. Акробатка, одной рукой держась за перила, другой стала нащупывать возможность просунуть пальцы в ячейку заградительной сетки.

В этот момент из репродуктора прозвучал голос вокзального диктора: «Граждане пассажиры, отойдите от края платформы, прибли-

жается скорый поезд «Санкт-Петербург — Хельсинки». Состав пройдет по первому пути без остановки».

«Анна Каренина! Самоубийца!» — ужаснулась я. Вывернув плечи, я скинула рюкзак с ведерком и в два прыжка оказалась рядом с несчастной. Я обхватила женщину руками, сцепив их вокруг ее сухощавой фигуры. Теперь циркачка не смогла бы передвинуться к роковому месту над скоростной магистралью, но если она начнет вырываться из моих непрошенных объятий, то все-таки полетит вниз — мне ее не удержать!

Спустя минуту с ревом и грохотом под нами промчался скорый поезд — округлые поверхности крыш вагонов промелькнули под виадуком и скрылись. Снова внизу поблескивали сталью рельсы главного пути.

— Вы кто? — Циркачка пришла в себя, влоборота повернула голову и попыталась посмотреть на меня.

Ее лицо оказалось рядом с моими глазами: набрякшие веки под лысоватыми бровями, отеки под глазами, курносый нос и глубокая носогубная складка. Этой пожившей изможденной женщине было хорошо за сорок лет. Я улыбнулась ей, чуть ослабила объятия и заботливо спросила:

— Вы можете перелезть обратно на мост? Так нам не слишком удобно разговаривать.

— Уберите руки, тогда перелезу! — Голос женщины был хрипловатым, но тон оказался задиристым, как у подростка. И ни малейшей благодарности за спасение в этом тоне и голосе не звучало.

Я осторожно отпустила женщину, отойдя на шаг назад.

Она довольно ловко повернулась вокруг своей оси, перекинула ногу через ограждение, опираясь животом на перила, затем другую — будто и впрямь была циркачкой или спортсменкой. Так не вязалась ее ловкость со столь солидным возрастом.

Вернувшись на безопасную поверхность, женщина села на корточки, прислонившись спиной к ограждению, и, обхватив голову руками, заплакала. Я в нерешительности постояла рядом, потом отошла к своей поклаже: надела рюкзак, взяла корзину с грибами и вернулась к спасенной мною женщине. Мягко коснулась ее плеча и как можно более спокойно и доброжелательно сказала:

— А пойдите вниз. Вы мне все расскажете, если захотите.

Женщина подняла голову, молча посмотрела на меня и резво вскочила на ноги, снова удивив меня крепкой физической формой.

Пройдя виадуком, мы спустились по лестнице на нужную платформу. Выбрав чистую

скамью, уселись. Так и сидели, молчали, углубленные каждая в свои думы.

— Как вас зовут? — наконец первой спросила я и, раскрыв ведерко с черникой, предложила женщине угоститься ягодами.

Она равнодушно взяла ягоду и отправила ее в рот — всего одну! Представилась:

— Тоня.

— Тоня?! — ахнула я. — А полностью — Антонина?

— Да...

Я не смогла сдержать удивление. Это имя, которое так редко дают сейчас детям, было и у меня. Папа настоял, чтобы так назвали дочь, отдав дань памяти его матери, моей бабушке. Мама не стала перечить, но дома называла меня Анютой. То, что мы с этой опустившейся женщиной, потенциальной самоубийцей, оказались тезками, показалось мне недобрый предзнаменованием, хотя опасаться сейчас мне было нечего и некого. Я тоже назвалась:

— А меня зовут Анюта.

Тоня продолжала клевать чернику по ягоде, но по мере того, как она отходила от происшествия, аппетит ее возрастал. Сейчас она набирала уже маленькие горсточки, и ягоды окрашивали ее губы синевой.

Слово за словом она рассказала, что недавно окончила профессиональное училище, получила профессию домашней медсестры.

— То есть у вас медицинское образование? — уточнила я.

— Не совсем, — покачала головой Тоня. — Я имею право работать сиделкой, нянечкой, если силы есть. Но ведь я сама инвалид! Я пробовала сидеть со старухами, но с души воротит видеть вблизи старческую немощь.

Я постеснялась спрашивать, по какой проблеме со здоровьем ей назначили инвалидность, потому что внешних признаков увечья не заметила. «Может, она умственно отсталая?» — промелькнула мысль. Хотя вряд ли — тогда бы ее не приняли в училище, связанное со здравоохранением.

— Вас, наверно, муж поддерживает? — участливо проговорила я, закидывая удочку для выуживания из Тони информации. — Или дети уже на ноги встали, помогают?

— Я живу на пособие. А мужа и детей у меня нет, не было и не будет! — Тоня снова зарыдала — так же громко, как на мосту.

На нас стали оглядываться постепенно наполняющие платформу пассажиры. Я перевела разговор на себя, призналась, что и у меня нет мужа: он скончался вскоре после черномыльской катастрофы, потому что был ликвидатором. Сказала также, что у меня есть дочь Ира семнадцати лет. Но год назад Ира уехала учиться в Америку по межшкольному обме-

ну, и если у нее все сложится там, то увижу ее я нескоро.

— Дочь семнадцати лет?! — Тоня перестала плакать и посмотрела на меня, буквально вытаращив глаза. — Вы родили девочку школьницей?

Не скрою, мне было приятно, что она поразилась, что у меня такая взрослая дочь, хотя я родила ее в двадцать один год, вполне нормальный для материнства возраст. Правда, я тогда еще в институте училась, а Виталий, отец Иры, был уже аспирантом. К сожалению, защитить диссертацию он так и не смог из-за семейных забот. Был бы кандидатом наук, глядишь, и не послали бы очищать Чернобыль от радиации.

Я назвала Тоне свой возраст. Она с грустью покачала головой и высказалась:

— Ну надо же, тридцать восемь, а выглядите едва на тридцать!

— Мне никто моих лет не дает! — горделиво подтвердила я.

Вдруг Тоня неожиданно повернула разговор в другую сторону:

— Что же, Анюта, вы меня не спросите, почему я хотела покончить с собой?

— Думала, что вы не захотите говорить, — пожала плечами я.

— Я и не хотела, но вы меня заставляете! — крикнула Тоня.

— Заставляю? — удивилась я. — Да я ни словом не обмолвилась, ни единого вопроса, даже намека. Понимаю ведь, как вам тяжело!

— Понимаете? — сморщилась Тоня. — А зачем стали хвалиться, что молодо выглядите?

— Разве я хвалилась? Назвала возраст, когда о дочери разговор зашел. Выдала вам свою страшную тайну. — Я попыталась шутить.

Но Тоня шутку не оценила, а, сохраняя серьезный вид, спросила:

— А сколько мне лет, вы можете сказать?

Я задумалась: сухая кожа, морщинки у губ и у глаз. Пожалуй, как я и предполагала вначале, лет сорок пять или чуть больше... Но этот чистый, полупрозрачный взгляд, как у ребенка, эта подростковая дерзость. Что-то тут не вязалось. И я решительно приуменьшила цифру, казавшуюся мне правильной:

— Лет тридцать шесть, тридцать семь?

— Вот видите, — обреченно вздохнула Тоня. — И вы, как все...

— Что «как все»?

— Все дают мне больше лет, чем мне на самом деле.

— У вас, наверно, трудная жизнь была? — очень осторожно предположила я. — А кто были ваши родители?